

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА США: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Михаил Борисович Зыков,

*ведущий научный сотрудник Центра стратегии развития образования
и организационно-методической поддержки программ ФИРО, Москва*

ЕСЛИ ЧТО-ТО И МОЖНО НАЗВАТЬ ИСТИННО АМЕРИКАНСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ, ХРАНИМОЙ В СЕРДЦЕ КАЖДОГО АМЕРИКАНЦА, ТАК ЭТО ОДНОКОМНАТНАЯ СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА. ТЫСЯЧИ ОДНОКОМНАТНЫХ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ БЫЛИ ЗАКРЫТЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (ТОЛЬКО В 20-Е ГОДЫ СВЫШЕ 41 ТЫСЯЧИ): ИХ СЧИТАЛИ СЛИШКОМ ДОРОГИМИ ПО СРАВНЕНИЮ С ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫМИ ШКОЛАМИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ. МАССОВЫЕ ЗАКРЫТИЯ ПРОДОЛЖИЛИСЬ И ДАЛЬШЕ И БЫЛИ ОСТАНОВЛЕНЫ ЛИШЬ В СВЯЗИ С УСИЛИВШЕЙСЯ МИГРАЦИЕЙ ГОРОЖАН В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ВЕКА.

История американской сельской однокомнатной школы

Всё началось с возникновения по-настоящему кризисной ситуации, связанной с образованием в сельской местности США. Огромное количество людей бросилось осваивать необозримые просторы североамериканского континента — для жизни и ведения хозяйства. У них рождались дети, которых нужно было обучать и воспитывать. Понадобилась новая гигантская система образования, которая охватила бы все вновь заселённые земли. Возникшая кризисная ситуация в невиданных в предыдущей человеческой истории масштабах была преодолена за счёт повсеместного создания однокомнатных сельских школ.

На протяжении двух столетий — с 1750 по 1950 годы — однокомнатная сельская школа (их ещё называют школами с одним учителем и расположены они в одной или двух комнатах) была обычным явлением американского ландшафта. Когда-то в стране их было около 200 тысяч. К настоящему времени это число сократилось, и теперь их насчитывается лишь около 500. Несмотря на их малое число, сельские однокомнатные школы являются неотъемлемой частью истории американского образования и самой

Америки. Однокомнатная сельская школа — что-то вроде американской иконы, первая и основная черта настоящего американизма в системе образования.

Второй особенностью национальной системы образования стала необъятность земель, пригодных для заселения с самого начала истории развития этой страны. Гентское соглашение (The Treaty of Ghent) передало собственность на все земли к югу от Канады в собственность Соединённых Штатов. Отдельные штаты перестали предъявлять территориальные притязания на западные земли федеральному правительству. За двадцать с небольшим лет после революционной войны компания «Луизиана Пёрчиз» почти удвоила территорию, запрошенную федеральным правительством. И правительства штатов, и федеральное правительство стали использовать эти земельные угодья как источники огромных финансовых поступлений, продавая их подрядчикам для дальнейшей перепродажи под индивидуальное строительство.

Однако перед тем как такая продажа могла состояться, должны были быть проведены землемерные работы. В новых западных территориях земля должна была быть поделена на поселения в шестнадцать квадратных

миль каждое. Затем поселение ещё разбивалось на 36 квадратных участков. Внутри каждого поселения одна шестнадцатая часть всей территории (одна квадратная миля), по решению Конгресса США, отводилась под обустройство местной школы. А деньги, получаемые от продажи земель внутри этой части, использовались для строительства школ на расстоянии не более трёх миль друг от друга, чтобы все дети этого поселения жили на расстоянии не более трёх миль от школы¹.

Третьей особенностью, характеризующей становление национальной системы образования США, стало разделение государства и церкви. Этот процесс начался ещё до Революции, но после Декларации Независимости произошло также отделение церквей, находящихся на территории Америки, от их материнских церквей, расположенных в Англии и Европе (за исключением католической церкви, которая продолжала находиться под руководством английского католического епископа и Ватикана).

Администрация церквей была реорганизована таким образом, что все доктринальные вопросы стали решаться внутри США с учётом реалий и потребностей самой страны. Значительное развитие получили гуманистическая мысль и философские идеологии, такие как трансцендентальное движение Ралфа Уалдо Эмерсона и другие. Поскольку несколько протестантских (а США были и во многом остаются протестантской страной) конфессий вынуждены были делить одно и то же географическое пространство, религии стали менее догматичными, более толерантными друг к другу.

Духовность в США с самого начала была и продолжает оставаться светской. Её основное и главное отличие от конфессиональной духовности — способность выступать в качестве цементирующего связующего гражданского общества в стране, решившей жить по законам рыночной экономики, и мирового глобального сообщества.

Именно благодаря однокомнатным школам в США сформировалась свобода совести, исключая религиозный фанатизм.

В результате этого образование стало заботой публичного сектора. Все церкви получили жёсткое указание: про-

поведь религиозной морали и церковной доктрины должна происходить либо дома, либо во время воскресных церковных служб, но никак не в школах.

С помощью создания однокомнатных школ в США были решены ещё некоторые кризисные ситуации. Например, межконфессиональные отношения. Как известно, иммигранты прибывали в Америку со всего мира — со своими религиями, храмовыми обычаями и священниками. Естественно, возникали межрелигиозные трения и конфликты. США чуть не встали на гибельный для себя путь государственного строительства: одной из первых идей «разделения штатов» было стремление иметь в каждом штате свою особую «государственную» религию. Этого удалось избежать лишь благодаря тому, что однокомнатные сельские школы практически доказали: представители разных конфессий прекрасно уживаются в ограниченном географическом пространстве, если их дети учатся вместе у одного учителя в однокомнатной сельской школе.

С помощью однокомнатных сельских школ был предотвращён и ещё один общенациональный кризис грандиозного исторического значения. Именно однокомнатные сельские школы стали «горнилом», в котором зародилась, развилась и приняла невиданные до того масштабы включённости в повседневные практические дела граждан светская духовность, определившая на столетия вперёд лидирующую роль американцев в развитии теории и практики гражданского общества, демократических институтов и земной цивилизации.

«Народное правление без доступной информации, без возможности получать необходимую информацию является лишь прологом фарса или трагедии. Может быть — того и другого. Отныне знание навеки будет направлять неучей. И люди, которые хотят быть господами самим себе, должны вооружить себя мощью, которую дают знания», — писал президент Джеймс Мэдисон 4 августа 1822 года.

Именно в те времена, когда влияние догматического церковного образования стало падать (то есть появилась возможность воспитывать творческих людей, не морализующих, но совестливых. — МБЗ), со всех сторон стали раздаваться голоса в поддержку обязательного образования для

¹ Rocheleau, Paul. The One-Room Schoolhouse / Forword by Verlyn Klinkenberg. — USA: Universe Publishing, 2003. ISBN 0-7893-1001-5. — 208 p., с. 30.

всей страны, опирающегося на гражданское общество и доступного для всех. Чтобы ослабить сопротивление религиозных общин, конфессиональным религиозным школам, частным академиям было разрешено продолжать свою деятельность и быть важной альтернативой публичному образованию. Однако им запрещено было получать публичное финансирование на осуществление своей деятельности.

Сторонники «общего» образования надеялись, что не только беднейшие слои и средний класс, но и самые богатые слои общества будут отдавать своих детей в публичные школы. Таким был американский идеал эгалитаризма, который казался неосуществимым и который всё же стал реальностью по мере взросления страны. Для быстрого количественного развёртывания и качественного развития системы сельских однокомнатных школ нужны были новые учителя, владевшие новыми знаниями и педагогическими умениями. А поскольку все мужчины страны были заняты в сфере материального производства, «в учителя пошли» женщины.

Следует остановиться на том, как в Америке было организовано женское образование. Согласно документу 1893 года, раннее обучение искусству чтения начиналось в семье и в многочисленных частных школах, управляемых пожилыми женщинами (в «дамских школах»). Когда девочки достигали определённых успехов, их посылали к учителю, где учили писать, давали грамматические знания, но очень редко обучали географии или арифметике. «Женские» школы были отделены от «мужских» для того, чтобы обучать девочек шитью, вязанию и т.д., что не входило в обязанности учителя однокомнатной школы².

Представим себе учебный процесс в одной из таких школ лет сто пятьдесят назад. Дети сидели на скамьях вдоль трёх стен комнаты, учитель занимал место у четвёртой стены. Занятия шли в такой последовательности: сначала чтение, затем какая-то ручная работа с обязательным выполнением задания, после этого упражнения в спеллинге (правильном произношении слов по буквам).

В начале XIX века женское образование получило дальнейшее развитие. Поворотным пунктом стало открытие Эммой Уиллард женской семинарии в Трое (штат Нью-Йорк)

в 1821 году. Это было первое в стране образовательное учреждение, дававшее высшее образование женщинам — комбинация колледжа с академией. Женское образование принесло огромную пользу американскому обществу. К концу века женщины, окончившие эти новые образовательные учреждения, стали основными поставщиками учителей для однокомнатных сельских школ по всей Америке³.

Сегодня часто говорится об оправданности и целесообразности использования гендерного подхода при решении разных социально-экономических проблем. Однокомнатная школа США, это уникальное образовательное учреждение, как нельзя больше соответствовала тому неповторимому набору качеств, которые присущи именно женщине-учителю, с её способностью любить сразу многих детей и заботиться о них всех вместе и о каждом — в отдельности. С её бесконечным терпением и покорностью, с тщательностью в мелочах, с врождёнными педагогическими и психологическими навыками обращения с детьми. То, что произошло в этом смысле в США, нашло отражение в миллионах автобиографий и семейных преданий и имеет не только узко национальное, но и международное значение.

На пути совершенствования американской системы образования было множество трудностей. В одних штатах необходимость общего образования признавалась больше, в других — меньше. Иммигранты из Европы проявляли большее уважение к образованию, чем другие. Штаты, уделявшие повышенное внимание развитию образования, социально и экономически росли, богатели быстрее остальных.

Более крупные города захватили лидерство в образовании и в социально-экономическом развитии. От них прогрессивные идеи распространялись в самые глухие уголки. Высшее образование, стартовавшее в Бостоне в 1821 году, успешно распространилось по восточному побережью США и по верхнему среднему Западу. В 1860 году число высших учебных заведений достигло 600.

С 1860 по 1920 годы население США выросло с 30 до 100 миллионов человек, в основном, благодаря притоку

² Rocheleau, Paul. The One-Room Schoolhouse / Forword by Verlyn Klinkenborg. — USA: Universe Publishing, 2003. ISBN 0-7893-1001-5. — 208 p., с. 31–32.

³ Там же. С. 33.

иммигрантов, узнавших о льготных условиях расселения в западных территориях страны. С 1869 года правительство приступило к интенсивному строительству транспортных сетей в стране, что способствовало развитию рыночной экономики.

Все эти активности приводили к социальным нуждам, удовлетворить которые должны были штатные и федеральное правительства. Образование было одной из важнейших обязанностей правительства. К концу XIX века правительства штатов всячески старались внедрить обязательность общего образования. Возникла идея непрерывного образования. Первой ступенью стали первые 8 школьных лет (или 9, если при школе была kindergarten — специализированная школа, подготовительные классы для пятилетних детей). Затем следовали четыре года средней школы (secondary schooling in high school) и колледж или университет штата. Именно так и устроена система образования в большинстве штатов сегодня⁴.

В то же время усиливалась позиция США как мировой державы, подталкиваемой комбинацией внутренних природных ресурсов, разумным и стабильным правительством, талантливым населением, открытой иммиграционной политикой, добавляющей свежие идеи и экспертизу во всю эту «смесь». Как и следовало ожидать, большинство поселений превратилось в городки или города, и их образовательные системы отражали усложнение образовательных учреждений — со многими классными помещениями и сложной инфраструктурой.

В больших городах типичными стали большие школы, в малых — малые. В сельской местности продолжали доминировать однокомнатные школы. Так было до тех пор, пока улучшение транспортных систем не превратило всю страну в культуру школьного «жёлтого автобуса». Теперь новые идеи стали доходить до однокомнатных школ гораздо быстрее, чем прежде. Благодаря контролю родителей дети получали в однокомнатных школах в начале XX века приличное образование. Именно в этот момент началась самая прекрасная часть истории

американской однокомнатной школы — её «золотая пора» — 1890–1940 годы⁴.

Обратим внимание на три обстоятельства, так или иначе, тесно связанных с возникновением кризисных ситуаций в образовании в сельских территориях. Во-первых, родители детей, учившихся в однокомнатных школах, имели возможность в масштабах всей страны эффективно контролировать образование, направлять его, участвовать в нём самым непосредственным образом — и физически, и финансово, и организационно, и «по любви». Америка пришла к демократии, общественному самоуправлению в образовании через однокомнатные сельские школы. Эта культура, этот дух сформировались, укоренились в американском образе жизни и остались там даже тогда, когда число однокомнатных сельских школ стало резко падать. Однокомнатные школы сыграли роль «строительных лесов» при возведении национальной системы образования США.

Во-вторых, сельские однокомнатные школы были существенным катализатором в развитии национальной сети дорог. Именно концептуальная пара «сельская школа — сельская дорога» стала неразделимым модулем во всех теоретических конструкциях, связанным с территориальным развитием Соединённых Штатов.

В-третьих, не сложись национальная образовательная система в форме однокомнатных школ в сельских территориях, не получило бы развития фермерство, ставшее образом жизни сельской Америки.

Американская сельская школа в недавнем прошлом

Ещё сравнительно недавно в малой сельской почти столетней школе Баттл Рок (Battle Rock Charter School), что расположена в каньоне Мак-Элмо (длиною в 25 миль), с первого по шестой класс учились дети, большинство родителей которых работали либо на ранчо, либо фермерами. Многие дома отапливались дровами, к школе вела гравийная дорога. Но вот начались перемены. В 1990-х сельское население Америки росло в три раза быстрее, чем в 1980-х, за счёт возвращения в село тех, кто искал более медленного ритма и простого образа жизни, лучшего школьного обеспечения, чем в больших городах.

⁴ Там же. С. 34–35.

⁵ Там же. С. 36–40.

С 1999 по 2000 годы бывший корреспондент газеты «Нью Йорк Таймс» в сфере образования Уильям Силис жил в общине и посещал школу Баттл Рокк, наблюдая и за теми, кто здесь жил всегда, и за теми, кто пришёл сюда недавно. Никакого особенного оборудования в классе сельской школы не было. Зато за его стенами царилла Природа и Жизнь, в которую вместе с учителем погружались дети. Окружающая среда превратилась в идеальный класс, а ученики были лучше подготовлены, чем их сверстники из средней школы в расположенном неподалёку городке Кортеше.

В своих статьях, широко опубликованных в центральных американских газетах, Силис опроверг устоявшееся мнение о том, что сельская жизнь беднее и проще городской. Все организации помогали журналисту собирать данные, статистику о культурной и экономической жизни в сельской Америке вообще и в данной сельской местности в частности. Жители района каньона Мак-Элмо держатся за старые традиции с не меньшим рвением, чем сопротивляются всяким новшествам. Весь двадцатый век они прожили, не запирая двери домов. Жизнь и смерть соседствуют друг с другом. Умерших помещают в самодельные гробы в семейные склепы неподалёку от сельских домов, где они родились.

Всё на виду, всё вместе — *первая* особенность сельской жизни. Сохранение традиций — *вторая*. Сопротивление новшествам — *третья*. Практически все местные жители — родственники — *четвёртая*. В течение 80 лет учащиеся местной однокомнатной школы все были родственниками.

Но в 1990-е годы изоляция закончилась, в деревню устремились горожане. Они начали возводить большие — по местным меркам — дома. Телефон и дорога были улучшены, большинство детей в однокомнатной школе перестали быть родственниками.

То, что происходило в Мак-Элмо, было характерно в то время для всей сельской Америки. Число переселенцев из городов в село в те годы было настолько велико, что получился второй настоящий демографический бум XX века (первый был в 1970-х). Число жителей сельской Америки увеличилось за 1990-е годы на 5,2 миллиона, из них три четверти были мигрантами. Для сравнения: в 1980-х годах сельское

население возросло на 1,3 миллиона за счёт увеличения рождаемости. Всего в США 2303 сельских графства. В 1990-х годах рост населения был отмечен в 74% из них, а в 1980-х — только в 45%.

Рядом с прежними жителями появились молодые соседи: не обременённые семьями выпускники колледжа, одинокие взрослые люди, белые и цветные, традиционной и нетрадиционной сексуальной ориентации, приезжие из Чикаго, Лос Анжелеса, Сеаттла, Хьюстона и других больших городов. Некоторые из них возвращались к своим сельским корням, другие хотели безопасной школы для своих детей, третьих устраивало спокойствие маленького города.

Большинство американских средств массовой информации не заметили тогдашнего переворота в сельской Америке. Новые пришельцы вдохнули свежую жизнь в умирающие сельские институты, в том числе и в однокомнатную школу.

Впервые за семь десятилетий число однокомнатных школ возросло в 1993/94 учебном году. С 1993 по 1998 годы были вновь открыты 35 однокомнатных школ и к концу 1998 года уже действовали 486 школ с одним учителем. Важно отметить, что они начали возрождаться в виде нового типа школ — чартерных, самым существенным отличием которых от всех остальных является возможность родителей управлять обучением и воспитанием своих собственных детей.

Вследствие перемен улучшилась вся сельская инфраструктура: были построены или реконструированы мосты и дороги, проведены мощные телефонные линии, открывшие дорогу росту использования Интернета. Корпорации и фонды выделили миллионы долларов на развития села — от улучшения образования до повышения качества управления сельскохозяйственной экономикой, падение которой было раньше главным препятствием на пути возрождения сельской Америки.

Кроме того, с приходом горожан поднялись цены, усилились транспортные потоки. Естественно, возникли трения. Прежние жители каньона были сосредоточены, в основном, на западе штата, имели большие земельные участки; новые — на востоке, с меньшими земельными участками. Школа Баттл Рокк расположена как раз посередине, и её название (в переводе битва) стало

вполне соответствовать ситуации. Для горожан жить здесь стало небезопасно. Возникло что-то вроде локальной гражданской войны.

Сначала Силис наивно предполагал, что сельские общины малы и дружелюбны. Но скоро убедился в том, что это — миф. Лишь на первый взгляд жизнь в малых городах проще, чем в больших. Силис воспринимался как один из пришельцев, желающий добить быстро исчезающий уклад сельской жизни. В течение первых недель все местные старожилы, всячески сопротивляясь переменам, встречали его в штыки.

Тем не менее, многим людям было свойственно чувство ответственности. Большинство селян продолжали регулярно посещать церковь, отдавая ей десятину (Пятидесятники — First Assembly of God). Соседи помогали друг другу в гораздо большей степени, чем горожане. Вскоре селяне стали приглашать журналиста к себе в гости, но всё же сделали это позже горожан.

Учитель-директор в однокомнатной школе США учит и старших, и младших. Он же и бухгалтер, и казначей, и помощник уборщицы. Кроме него в школе работают по совместительству несколько учителей — ведущих математику и науку, испанский язык, музыку и искусство. Считается, что у детей свой собственный язык, недоступный взрослым. Но кто-то должен стать дирижером оркестра, играющего эту симфонию обучения. Им оказался новый учитель Стефан, возглавивший школу в Баттл Рок в 1993 году.

Он многое тут изменил: сразу же в начале своей работы застелил новый, пахнущий свежим пиленым деревом пол. Соорудил два водяных бака с фильтром, устроил школьный водопровод, установил микроволновую печь, разместил компьютеры с современным программным обеспечением. Каждый кусочек стены в классе теперь скрыт под книжными полками. Большая карта индейской Америки на стене напоминает школьникам имена коренных племён Северной Америки. С приходом Стефана большая часть учебного процесса стала проходить за пределами школьных стен, основой для многих занятий служила природная жизнь. Трижды он спасал школу от закрытия администраторами из Кортеза, которые утверждали, что школа нерента-

бельна. Все взлёты и падения своих учеников Стефан воспринимал как свои, и не удивительно, что он «сгорел» как учитель в конце первого же года работы.

Не секрет, что учителя — лёгкие мишени в любой школе, но особенно — в сельской общине. Здесь их воспринимают как общественных деятелей, и немедленно обвиняют во всех смертных грехах, если происходит что-то не так. Даже если они совсем не виноваты. Трудно понять, почему Стефан после всех нанесённых ему обид вообще остался в школе.

Надо сказать, что законодатели никогда не собирались спасать однокомнатные школы. Но в 1993 году был принят закон, позволявший вносить изменения в школьную рутину там и тогда, где и когда это необходимо (то есть не по механической, формальной, бюрократической необходимости, а с учётом конкретных обстоятельств, принимая во внимания текущую здесь жизнь. — МБЗ). Стефан сразу же начал вносить коррективы. Но другие учителя в городских школах в Кортезе этому активно препятствовали: говорили, что у него мало учеников в классе, что он получает зарплату больше, чем они, не обращая внимания на то, что он работал за семерых — и сторожем, и дворником, и уборщицей, и учителем, и воспитателем, и завхозом, и рабочим. К тому же и родители не были приучены к быстрым переменам.

Получилось «восстание» против его, Стефана, реформ. Некоторые ученики исчезали из школы на целые недели в период сбора урожая. Это обычное дело для сельских школ. В условиях каньона добавляется ещё и охота на оленей. Для многих малообеспеченных семей это существенный источник питания. Родители сами забирают детей из школы на эти периоды, но потом они же выражают неудовольствие их плохими знаниями. Стефана обвинили в том, что он плохой учитель. Он проиграл схватку с родителями и был уволен.

Однако за две недели до начала занятий в новом учебном году школьный совет, не найдя никого другого, снова пригласил Стефана на работу. Он сомневался — возвращаться или нет: все эти трения между архаичным и новым, сельским и городским порядком надоели ему. Но всё же вернулся.

Стефан тщательно планирует и проводит несколько многокилометровых походов на природу в течение каждого учебного года. Например, всем коллективом и с участием родителей совершают 150-мильную поездку в Нью-Мексико. (Это героическая попытка селян — под руководством местного учителя вырваться из узкой сельской «рамки», чтобы посмотреть мир.)

Совсем недавно Фонд Анненберга выделил грант в 300 тысяч долларов этой школе вместе с другими пятью сельскими школами штата Колорадо. Так что теперь Стефан может свободно расходовать 20 тысяч долларов в год по своему усмотрению. Заметим, что по программе фонда Анненберга было выделено 50 миллионов долларов для 700 сельских школ в 35 американских штатах. Естественно, никто не думал, что такими незначительными финансовыми «вливаниями» можно было исправить постоянное и многолетнее ухудшение положения села и сельских школ в Америке. Но школы, получившие трёхгодичный грант, смогли существенно модернизироваться. Стефан считает, что грант просто преобразил школу.

Иногда несколько учеников из его школы приглашают в Денвер — принять участие в Стандартизованном экзамене штата Колорадо (Colorado Standardized Assessment Program, or CSAP). Стефан понимает, что проверяют не столько школьников, сколько его как учителя. Экзамен длится два дня: школьникам необходимо прочесть короткие рассказы и ответить на вопросы на понимание. Тесты нужны для того, чтобы по их результатам учитель мог провести родительское собрание и обсудить с родителями эту ситуацию. То есть общественность получает возможность объективно судить об уровне образования в данной школе, в данном классе по сравнению со всей остальной Америкой.

Американская однокомнатная школа сегодня

Сказать, что сегодня однокомнатные школы являются основой сельского образования можно с большой натяжкой: большинство сельских школьников пользуются жёлтыми школьными автобусами. Но многие однокомнатные школы продолжают суще-

ствовать и работать примерно так же, как работали несколько сот лет назад. Конечно, с добавлением таких современных элементов, как компьютеры и Интернет.

Одни школы из этого списка впадают в жалкое существование, и власти штата мечтают о том, как бы их поскорее закрыть. Другие настолько изолированы от внешнего мира, что там ничего, кроме них, просто нельзя и придумать. А третьи стали вполне современными образовательными учреждениями: например, однокомнатные школы этноса Амиш (Amish), удовлетворяющие всем современным условиям и продолжающие расти в числе и качестве.

Из шести исследованных современных однокомнатных сельских школ в США три имеют при себе классический киндергартен и восемь классов, две — киндергартен, но учат до четвёртого класса, и ещё одна — без киндергартена, и учит с первого по третий классы.

В однокомнатной школе в Северной Дакоте учительница Тони Уиллер (Toni Wheeler) только что стала молодой мамой. Школьники с участием следили за ходом её беременности. После родов как можно быстрее хотели увидеть младенца.

Она оказалась в этой школе шесть лет назад. Полученное профессиональное педагогическое образование не подготовило Тони существенно к этой работе. В однокомнатной школе учитель часто попадает в ситуацию выживания. Тони выжила благодаря другим учителям однокомнатных школ и её супервайзеру — Карен Каутцман (Karen Kautzmann). В этой школе 30 учеников, все в одной маленькой комнате, где надо разместить всё необходимое — так, чтобы не было ничего лишнего и дети могли получить наилучшее образование.

Из-за ограниченности времени нельзя постоянно работать только с детьми одного класса, как это принято в обычной школе. Приходится всё время переключать внимание с одной возрастной группы на другую так, чтобы они постоянно чувствовали, что получают свои задания и учат присущий их возрасту материал. Сначала Тони было очень трудно. Но потом она поняла, что дети берут на себя большую долю ответственности, ведут себя очень самостоятельно.

Школьники сами организуют свои собственные уроки, облегчая работу учителю. Здесь

нет нужды планировать работу в классе, как это делается в больших школах. Дети сами планируют свою работу, зная, какие разделы дисциплин им предстоит освоить и когда наступает пора проведения контрольных работ без дополнительных подсказок учителя.

В условиях однокомнатной школы дети учатся друг у друга, выбирают сами себе уровень изучения предмета. Девочка из четвёртого класса может с интересом заниматься, например, каким-то учебным предметом по программе 8-го класса вместе с восьмиклассниками. Старшеклассники с удовольствием берут на себя функции учителей для детей из младших классов.

Каждый, кто работал учителем, прекрасно знает, что по-настоящему можно выучить какой-то учебный материал, лишь преподавая его другим. В этом смысле возможности однокомнатной школы уникальны. Детям нравится помогать учителю (они понимают, что он поставлен в определённые рамки, сочувствуют ему). Здесь срабатывает «правило трёх мушкетёров: один за всех и все за одного». Дети берут на себя ответственность и вырастают ответственными людьми.

Каждому учителю однокомнатной школы помогает прикрепленный к нему супервайзер. У каждого супервайзера несколько подопечных учителей. С родителями бывает трудно: им хочется, чтобы в однокомнатной школе всё было как в «настоящей» большой школе. Не все понимают, как важна дружба детей разных возрастов между собой, чего нет в обычных больших школах. В этой ситуации учитель работает с учениками действительно персонально. Для многих детей и родителей однокомнатная сельская школа становится второй семьёй.

Когда дети из однокомнатной школы в силу каких-то обстоятельств попадают в обычную консолидированную (то есть созданную после ликвидации нескольких малокомплектных сельских школ), они, как правило, оказываются подготовленными лучше, чем остальные ученики их возраста, с самого начала учившиеся в консолидированной школе. Статистика показывает, что качество подготовки в однокомнатной школе выше. (Получается что-то вроде химического реактора, где все дети вынуждены быть вместе со своим учителем в одном физическом и смысловом пространстве, в одной комнате. И в этом реакторе порож-

даются «продукты», получить которые в обычной многокомнатной школе просто невозможно.)

«Пирамида» в системе образования — учитель однокомнатной школы — супервайзер (например, один для трёх однокомнатных школ) — суперинтендант (например, для двух школьных дистриктов). Чтобы занять любую из этих должностей, необходимо пройти сложные интервью, которые проводятся комиссией из трёх человек. Собеседование может проводить и один специалист, в том числе и по телефону.

Обычно однокомнатную школу закрывают из соображений финансовой экономии. Но многие родители не хотят, чтобы их дети проводили много времени в школьных автобусах. Им психологически легче, когда дети учатся недалеко от места их работы.

Однокомнатная школа для всех — вторая семья. Здесь тесные отношения, которые просто невозможны в большой школе. Так что многие родители готовы платить более высокие налоги или дополнительно финансировать какие-то школьные расходы, лишь бы сохранить местную однокомнатную школу.

Своеобразный феномен однокомнатной школы — здесь только кажется, что учитель один. На самом деле их гораздо больше, чем в обычной школе, учителем является каждый член этого маленького коллектива.

Обычно школьный день здесь начинается с обсуждения того, что удалось добиться в предшествующие дни. Обсуждаются семейные события, что-то из местной жизни, страны, мира. После этого школьники разбиваются на рабочие группы. Каждая занимается своим делом. Утром бывает одна перемена, она всегда начинается с общей игры, в которой принимает участие весь класс. Это нужно для укрепления «школьного духа команды». После общей игры дети разбиваются на группы «по интересам». Важно подобрать подходящие игры для перво- и второклассников. Какого-то специального инвентаря для организации игр во время перемен не так уж много. Получается много импровизации, детям всё время приходится что-то изобретать.

Когда перемена заканчивается, звучит школьный колокол (одна из особенностей американской сельской однокомнатной

школы — во дворе или на крыше школы в специальной башенке установлен колокол, созывающий детей на занятия), дети возвращаются в класс, в свои рабочие группы. Они работают над заданными проектами и проходят положенные тесты. После полудня всё как бы начинается сначала — повторяется первая половина дня. Первоклассники и второклассники требуют к себе большего внимания — они ещё маленькие. Это внимание им уделяют старшеклассники, когда заканчивают работать над выполнением своих заданий: например, читают маленьким детям вслух.

Вечером, за десять минут до конца занятий, дети восстанавливают порядок и чистоту в комнате. У каждого есть свои обязанности. Происходит постоянная ротация в выполнении этих обязанностей в соответствии с возрастом и возможностями каждого ученика. После этого наступает период всеобщего общения и активной социализации. Дети обсуждают друг с другом и с учителем то, что не успели обсудить во время школьного дня.

Временные рамки этой самостоятельной активности очень гибкие и устанавливаются самими детьми. Они уходят из школы постепенно, не все сразу. Очевидно, что им тут нравится, они не торопятся убежать отсюда. И ещё видно, что они очень уважают и любят Тони и её помощницу.

Однокомнатная школа в селении Маунтин Гамильтон в Калифорнии была основана в 1898 году для обучения детей сотрудников обсерватории, расположенной в этом месте, на вершине горы Гамильтон. Это самая восточная окраина Сан Хосе. Здание самой школы расположено тоже достаточно высоко. У местной учительницы Пэт Грэм (Pat Graham) и её помощницы Шерил Сэверинсен (Sheryl Severinsen) всего пять учеников — по одному в первом, втором, третьем, четвёртом и восьмом классах. Если учеников станет хоть на один меньше, школа будет закрыта.

Раньше в прилегающей местности было несколько однокомнатных школ, но они закрылись из-за отсутствия учеников. Оставшиеся дети перешли в школу Пэт, именно это и спасло её школу от закрытия. Пэт использует компьютеры для «расширения» стен в классе. Дети получают домашнее, семейное, образование, но прикреплены

к её школе. А ещё в одной из школ Сан Хосе есть специальный класс, который занимается по программам школы Пэт — на расстоянии, с помощью компьютерной связи. Физически в школе Пэт дети этого класса появляются один-два раза в неделю.

Пэт и Шерил — компетентные и увлечённые учителя. Пэт выбрала в качестве темы своей мастерской диссертации — образование в однокомнатной школе. Её цель — сделать однокомнатную школу сердцем общины, объединяющей богатых и бедных, семейных и одиночек вокруг идеи лучшего будущего для общины.

Интересная особенность однокомнатной школы касается учителей. Они не могут из года в год говорить одно и то же. Ведь дети всё слышат, пусть даже и «боковым» слухом. И если, например, учительница объясняет материал ученику восьмого класса в присутствии ученика второго класса, то потом, когда этот второклассник станет восьмиклассником, говорить то же самое будет уже не солидно. Учителю однокомнатной школы приходится постоянно учиться и самосовершенствоваться в гораздо большей степени, чем учителям обычных школ.

В условиях разновозрастной однокомнатной школы дети взрослеют значительно быстрее и становятся более самостоятельными учениками. Попадая потом в обычную школу, они искренне тоскуют по своей однокомнатной школе.

Ещё одна школа в Мэйне (Maine) расположена на острове. Учителем здесь работает Джуди Джипсон (Judy Jipson). Школа изолирована в полном смысле этого слова. В хороший сезон сюда стекается много туристов. Но когда связь с материком прерывается, на острове остаются лишь 50 постоянных жителей. Большинство из них занимаются добычей раков в прилежащих водах. Всё обслуживание они получают на материке. Школу поддерживают местные и штатные благотворительные фонды. Джуди со своим мужем живут на острове уже несколько лет.

И хотя дети изолированы от всего остального мира физически, Джуди старается воспитать из них настоящих граждан мира. Она организует частые поездки для них в Вашингтон, Геттисбург и Филадельфию. Джуди понимает, что переход в среднюю школу

на материке может принести детям проблемы: здесь, в однокомнатной школе, они видят только одного учителя, а там учителей будет шесть. Поэтому она разработала для своих восьмиклассников специальную программу. Два раза в месяц они посещают среднюю школу на материке, ту, в которой через год начнут учиться. Дети знакомятся со своими будущими учителями и одноклассниками. Это существенно облегчает им переход из начальной школы в среднюю.

Джуди прошла специальную подготовку для работы в сельской однокомнатной школе. Сначала она получила сертификат для работы с детьми от киндergarten по восьмой класс, затем — для работы с детьми с ограниченными возможностями от киндergarten по двенадцатый класс. Она устраивается на курсы повышения квалификации везде и всегда, где и когда это только возможно, раз в год участвует в конференции учителей однокомнатных школ. Её учитель-ассистент Лиза Тёрнер (Lisa Turner) активно помогает Джуди во всём.

По мнению Джуди, успех учителя в однокомнатной школе зависит от умения понять индивидуальные нужды каждого ребёнка. Затем адаптировать программу к этим нуждам каждого, индивидуализировать обучение и воспитание. Например, в зависимости от изучаемого предмета, она разбивает школьников на различные функциональные подгруппы.

Она всячески способствует развитию общения и взаимопомощи между учениками разных возрастов. Интеграция классов — одно из важнейших преимуществ однокомнатной школы. Таланты школьников раскрываются в неизмеримо большей степени в обстановке однокомнатной школы, чем обычной большой. И ситуация в классе всегда более динамичная и творческая. Дети разных возрастов постоянно делают доклады перед всем классом о том, что они сделали, прочли, чего добились. И обсуждают это все вместе.

Теория однокомнатной школы

Если принять, что «...стремление к научению так же сильно, как сексуальное влечение», то проблема мотивирования детей к учению не является острой. Ребёнок готов и рад учиться в любой школе — большой или маленькой, даже в однокомнат-

ной. Семьи, живущие в отдалённой сельской местности, безусловно, предпочтут отдать своих детей в местную маленькую школу, чем подвергать их ежедневной опасности перевозки в школьных автобусах. Если прибавить к обычным школьным расходам стоимость организации таких автобусных перевозок, то сравнительная дешевизна обучения консолидированных школ становится не столь очевидной.

Кроме того, однокомнатная сельская школа является единственным центром культуры маленьких сельских поселений. Её уничтожение через некоторое время приводит к умиранию самого поселения. Надо было бы и это обстоятельство учесть при финансовых расчётах. Но самая большая «арифметическая» ошибка коренится в неучёте стоимости «продукта», получаемого в сельских школах — человеческого капитала её выпускников. Создаётся впечатление, что американская администрация приступила к свёртыванию системы однокомнатных сельских школ, не имея солидного теоретического обоснования для этого.

Чтобы построить современную теорию однокомнатной школы, придётся вернуться к некоторым эпизодам из жизни России и Соединённых Штатов. Известно, что в Советском Союзе в течение многих десятилетий исходной, далее неделимой «клеточкой», ячейкой социального организма считался трудовой коллектив. Затем теоретики выявили ещё одну исходную, далее неделимую «клеточку», ячейку — семью. Они сосуществовали «на равных» в советской социальной теории вплоть до распада СССР. С отменой учения К. Маркса в России после 1991 года у отечественных теоретиков пропал всякий интерес к поиску «последних, далее неделимых «клеточек» социального организма». Однако он не пропал у американских последователей Карла Маркса, приступивших к исследованию влияния материальных, экономических факторов на поведение человека и социальных групп, но не на уровне макроэкономики, как это делал их знаменитый предшественник, а на уровне микроэкономики.

В 1961–1962 годах американские экономисты Теодор Шульц и Гэри Беккер одновременно и независимо друг от друга опубликовали каждый свою монографию с одинаковым названием «Человеческий капитал», практически введя этот термин в широкий

научный оборот. Они утверждали, что последней, далее неделимой клеточкой социального организма является не трудовой коллектив и не семья, а человеческий индивид. И этот индивид очень подвержен влиянию материальных стимулов, которые существенно определяют его поведение на двух главных рынках человеческой жизни — на рынке труда и на брачно-семейном рынке. Цель национальной системы образования, которая оплачивается из средств, предоставляемых налогоплательщиками, — подготовить нового молодого человека к успешному выходу на эти два рынка.

Человек приносит на рынки свою единственную неотчуждаемую собственность — человеческий капитал, «наработанный» им самим. Он инвестирует этот капитал на рынке труда, который для него становится рынком инвестиций, получая денежную прибыль в виде зарплаты. На большой человеческий капитал получается большая прибыль, то есть большая зарплата. Инвестируя свой человеческий капитал на брачно-семейном рынке, он получает прибыль в виде семейного и родительского счастья. Большему человеческому капиталу сопутствует большее семейное счастье.

Задолго до Шульца и Беккера великие русские психологи XX века Г.И. Гурджиев и П.Д. Успенский показали, что человеческий капитал нарабатывается благодаря «работе души» самого человека. Никакие учителя, никакие системы не в состоянии сформировать человеческий капитал в молодом человеке. Единственно, что они могут, — создать или не создать оптимальные условия, одинаковые стартовые возможности для каждого молодого человека, чтобы он, если захочет, мог сам развить свой человеческий потенциал, а затем капитализировать его, превратить в человеческий капитал, с которым не стыдно появиться на двух названных выше рынках. Выяснилось, что условия, имеющиеся в нормальном сельском социуме, в большей степени способствуют детям нарабатывать свой человеческий капитал, чем условия, имеющиеся в нормальном городском социуме. Основными компонентами человеческого капитала являются три вида здоровья — физическое, психическое и социальное, два вида интеллекта — рациональный и эмоциональный, и специфический вид знания — компетентностное,

которое способно само применяться на практике, находить само себе спрос на рынке.

При сравнении достоинств и недостатков городского и сельского образования огромную роль в качестве исходной методологической позиции играет официальная объявленная цель национальной системы образования. Если отойти от той, которая была принята в СССР (воспитания всесторонне развитой личности, активного строителя коммунизма), и принять в качестве единственно разумной в условиях нормальной рыночной экономики цель создания оптимальных условий каждому ребёнку для формирования им самим и для себя самого своего собственного человеческого капитала, то сельские условия оказываются несравненно лучшими, чем городские.

В условиях современных развитых стран с нормальной рыночной экономикой, уже вступивших в постиндустриальную информационную цивилизацию, где любая информация в равной степени доступна и городским, и сельским жителям, жизнь на природе (точнее, в неразрывном единстве с природой), возможность наблюдать цельный труд и принимать с раннего детства в нём непосредственное участие, вынужденное житие в небольшой общине с нормальными человеческими, а не отчуждёнными «городскими» отношениями, — всё это гораздо лучше для ребёнка в смысле формирования им своего собственного человеческого капитала.

Нет никаких сомнений в том, что будущее народного образования любой цивилизованной страны состоит во всё большем перемещении центров образования (особенно для маленьких детей) в сельскую местность, на природу. Собственно, в США и других развитых странах такая тенденция уже уверенно прослеживается. □